

утверждает «существование вещей в себе», вне сознания. Сам Поппер считает, что абсолютная истина существует как нечто объективное, независимо от того, известна ли она кому-либо. В то же время нельзя говорить о познании абсолютной истины, можно говорить только о приближении к ней.

Говоря об истинности самой исторической теории науки, Хюбнер отмечает, что исторический процесс в качестве объекта научного исследования предстает перед нами как самодвижение системных ансамблей. Историческая теория науки не является ни эмпирически, ни трансцендентально истиной. Скорее можно заключить, что она истина по логическим соображениям.

По мнению Хюбнера, не существует никакой научной исторической правды, не существует и вечной истины. Зато существует та истина и тот исторический опыт, которые создаются с помощью постоянно обновляющейся сети априорных принципов. Каждое поколение вынуждено заново создавать не только свое настоящее, но и свое прошлое. Задача же историка заключается в непрерывном переписывании истории с учетом того, что с течением времени прошлое непрерывно изменяется.

Таким образом, для философского обоснования науки история науки имеет решающее значение. История науки позволяет проследить все стадии развития науки, ведущие к появлению и утверждению научных теорий. Решения, принимаемые теоретиком, всегда объясняются уникальным в историческом контексте, в котором протекает процесс научного исследования.

М.В.Салихов

БЫЛ ЛИ А.А.ЛЮБИЩЕВ ПЛАТОНИКОМ, ИЛИ О ЧЕМ РЕЧЬ В «ЛИНИЯХ»?

Постановка такого вопроса не случайна, ибо бытует мнение, что А.А.Любищев был представителем платонизма. Известно также, что в 1956 году в одном из писем к В.А.Дмитриеву он утверждал, что его основная задача – **возрождение линии Пифагора и Платона**. Подчеркнутое мной рассматривать как программную установку ученого, его философско-методологическое кредо, так как идея «Линий» вынашивалась в течение всей жизни А.А.Любищева: «Первый набросок настоящего сочинения, – писал он в предисловии к “Линиям”, – был составлен мной для себя в 1917 году»¹. Свой интерес к философии и точным наукам, собственно к математике, он подчеркивал постоянно, и даже можно логику его мышления представить в виде последовательного перехода от биологии к философии через математику (биология – математика – философия). Как ученый Любищев был горячим сторонником применения методов математики в биологических исследованиях. По его собственному признанию, книга «Линии» была «задумана как **главное сочинение моей жизни**, резюмирующее все те мысли, которые накопились за несколько десятилетий достаточно напряженной работы»². В какой, как не в этой, работе ученого можно получить ответ на вопрос, был ли А.А.Любищев платоником?

¹ Любищев А.А. Линии Демокрита и Платона в истории культуры. — М., 1997. — С. 20.

² Там же. — С. 17.

Известно, что объединяющим и центральным положением линии Платона и Пифагора в философии выступает признание онтологической и функциональной первичности чисел (числовых отношений) и идей (эйдосов) по отношению к миру вещей: они суть прототипы этих вещей и демиурги их. Именно поэтому платонизм есть «настоящий, объективный идеализм»³.

А.А.Любищев был поборником математизации биологии, и в платонизме его привлекал не объективный идеализм, а нечто другое. На мой взгляд, философско-методологические воззрения А.А.Любищева могут быть определены как рационализм, во многом опережающий особенности биологического познания середины и второй половины XX века. Аналогичного мнения придерживаются и авторы книги коллективного портрета ученого и мыслителя, где подчеркивается, что «его особенно привлекал математический стиль (Пифагора и Платона — М.С.) их мышления», что «дух математики пронизывает всю деятельность Любищева»⁴. Причем интерес к применению в биологии методов математики у Любищева возник еще в 1910 году, когда он предположил, что «математическая морфология вполне возможна»⁵. Защищая линию Платона от несостоятельных обвинений, Любищев склоняется к совершенному рационализму, утверждающему, что чистый разум принципиально может построить его Вселенную со всеми ее натурфилософиями и этическими положениями.

С юношеских лет А.А.Любищев воспитал себя нигилистом в «тургеневском смысле слова»: «Нигилист — это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип»⁶. В более поздние времена «истинный нигилизм» понимается им как «непризнание ничего, что бы не подлежало критике разума»⁷. Таким образом, юношеский нигилизм со временем перерос в творчески позитивный критицизм как основание всей его жизнедеятельности.

Пожалуй, не будет преувеличением, если скажу, что стержень его мышления и образа жизни — это **диалогичность**, вечный спор со всеми и самим собой. В связи с этим «странность» его жизни (по Гранину) — лишь грань диалогичности его бытия, ибо его манера вести дневник — форма самоконтроля, самокритичности и всегдашней самооценки. К себе он относился более строго, чем к другим. Ему был дан особый дар — или он сам выработал в себе — дар слушать (устно и письменно), слышать и понимать другого и все это — во имя достижения истины.

---

³ Там же. — С. 45—46.

⁴ Александр Александрович Любищев. 1890—1972. — Л., 1982. — С. 7, 65—66.

⁵ Там же. — С. 76.

⁶ Любищев А.А. Указ соч. — С. 22.

⁷ Цит. по: Гранин Д. Эта странная жизнь. — М., 1974. — С. 51.